

«Имидж России:
ПОИСК ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»,
материалы научной конференции 19 марта 2013г.

КАМЕНСКАЯ Г.В.

доктор политических наук, ИМЭМО РАН

Имидж как сублимация

Хронологическим рубежом, который определил появление тематики имиджа России в публикациях, посвящённых анализу состояния и тенденций международной политики, а также роли России в современном мире, стал 2005 год. Именно тогда специалисты — международники, политологи, культурологи, специалисты по рекламе, журналисты и политики в один голос начали говорить о необходимости улучшения имиджа России в глазах зарубежной общественности. Даже авторы «глянцевых» журналов неожиданно обратили внимание на враждебное отношение Запада к России и заинтересовались его причинами, а также начали излагать рекомендации, как это отношение изменить. Причём, надо заметить, о других регионах мира, скажем, о быстро растущих странах Юго-Восточной Азии или Латинской Америки, Ближнего Востока и тем более Африки, даже о тех государствах, где у России исторически были сильные позиции или, как минимум, сохранялась память о прежних экономических и политических связях, речь не шла. Такой всплеск активности на определённом тематическом направлении, несомненно, свидетельствовал о весьма чёткой координации усилий исследователей и их поддержке со стороны различного рода фондов и «лиц, принимающих решения». Сейчас, после (и, по многим прогнозам, в преддверии) бурных событий на глобальных финансовых рынках и потрясений в мировой экономике, прочно занявших место в фокусе внимания аналитиков, тема имиджа России звучит несколько приглушённо. Однако она не уходит полностью на дальний план, выступая главным образом в двух ракурсах: как проблема повышения инвестиционной привлекательности российской экономики и как необходимость активизации применения инструментов «мягкой силы» в российской внешней политике.

При знакомстве с публикациями, посвящёнными теме имиджа России в его различных аспектах, нетрудно заметить определённую закономерность: и тогда, в 2005 году, и сейчас, почти десятилетие спустя, интерес к теме имиджа России проявляют преимущественно авторы, которые принадлежат, при всей условности этих категорий в российских реалиях, к либеральному направлению. Те же публицисты, которых до начала 2000-х годов было принято относить к патриотическому лагерю, гораздо меньше вовлечены в обсуждение этой тематики — и причина такой ситуации понятна. Дело в том, что для аналитиков и публицистов, оппонировавших ещё политике «позднего» Горбачёва, а затем и Ельцина, тема восприятия России Западом в теоретическом отношении была давно решена. Ответ на вопрос о том, почему Европа враждебна России, был известен им, по крайней мере, со времён опубликования работы Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». Затем, в первые постперестроечные годы, на фоне эйфории от иллюзий «вхождения в мировую цивилизацию» и «возвращения к общечеловеческим ценностям» публицисты патриотического направления весьма жёстко напомнили о глубинных корнях многовековой вражды Запада к нашей стране. Пожалуй, наиболее громко в 1990-е годы прозвучал голос К.Г. Мяло, опубликовавшей в 1994 году работу «Хождение к варварам, или вечное путешествие маркиза де Кюстина». Квинтэссенцией её анализа стала мысль о том, что смена политического строя в нашей стране не затрагивает базовый мифологический образ России на Западе. На протяжении веков Запад продолжал и продолжает воспринимать Россию в качестве своего антипода, неизменно видя в ней скованную морозом и рабством

«Имидж России:
ПОИСК ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»,
материалы научной конференции 19 марта 2013г.

гигантскую по размерам азиатскую страну, которая населена ущербным в антропологическом отношении народом и представляет собой постоянную угрозу «свободному миру».

Подводя итоги работы, К.Г. Мяло писала, адресуясь к политике российской власти времён Б.Н. Ельцина и А.В. Козырева: «...уступить — как мы уступаем сейчас, согласиться — как мы соглашаемся сейчас — с ролью России как мирового изгоя и дурного места всемирной истории — значит снова впустить в неё идею «человекоскота», неравноценности цивилизаций, антропологического неравенства людей. В пределе же — Чёрного Кодекса, тёмного и непреодолимого соблазна Европы»¹.

Для К.Г. Мяло и других авторов, резко противопоставивших свою позицию открыто заявленному в 1990-е годы намерению изменить ядро русской культуры, как и для Н.Я. Данилевского в XIX в., была предельно ясна бессмысленность попыток решить проблему Россия — Запад на путях стремления нашей страны «подладиться» к Западу, улучшить свой образ в его глазах. Точно так же была чужда им сама лексика политиков и публицистов, называвших демонтаж СССР процессом «вхождения (возвращения) России в мировую цивилизацию», «стремлением России стать частью мирового сообщества» или «частью свободного мира».

Очень характерно, что в публикациях, даже в крупных монографиях по имиджу, изданных в начале 2000-х гг., практически не было упоминаний имени К.Г. Мяло. Обойти полным молчанием работу её знаменитого предшественника, конечно, было невозможно, тем более, что обращаться к наследию представителей дореволюционного периода общественной мысли России стало «хорошим тоном». Однако выбор цитат у авторов либерального направления был крайне избирательным — он красноречиво показывал их категорическое внутреннее несогласие с важнейшими выводами Н.Я. Данилевского. Скажем, в одной из наиболее заметных монографий по проблематике имиджа, изданной в 2005 году, её автор, Э.А. Галумов, с одобрением ссылаясь на слова Н.Я. Данилевского о том, что у русских есть исторические основания считать себя «жертвой непрекращающейся агрессии Запада»². А вот рекомендация Н.Я. Данилевского не брать на себя напрасный труд по просвещению общественного мнения Европы на страницах этой капитальной работы места не нашлось.

Между тем Н.Я. Данилевский говорил с полной определённой, что Европа «сама без нашей помощи узнает, что захочет, и если захочет узнать. Дело в том, что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки... Европа видит поэтому в Руси и в славянстве не чуждое только, но и враждебное начало».

Но как раз центральный вывод Н.Я. Данилевского о непреодолимой чужеродности нашей страны для Запада в контексте обсуждения темы имиджа России и был под запретом, поскольку напрямую затрагивал центральный нерв, глубинный внутренний смысл этой дискуссии. Ведь Н.Я. Данилевский утверждал, что вражда Запада к России имеет провиденциальные корни, она отвечает божественному историческому замыслу о России. По его глубокому убеждению, причины «непонимания» или «неверного понимания» Западом внутренней и внешней политики России, движущих сил её истории, психологии её народа кроются вовсе не в изъянах того, что сейчас назвали бы информационной политикой государства. Они лежат «в неизведанных глубинах тех племенных симпатий и антипатий, которые составляют как бы исторический инстинкт народов,

¹ Мяло К.Г. Хождение к варварам или вечное путешествие маркиза де Кюстина // www.pseudology.org/Literature/HozhdenieMyalo.htm.

² Галумов Э.А. Имидж против имиджа. М., 2005. С. 31.

«Имидж России:
ПОИСК ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»,
материалы научной конференции 19 марта 2013г.

ведущий их (помимо, хотя и не против их воли и сознания) к неведомой для них цели; ибо в общих, главных очертаниях история слагается не по произволу человеческому, хотя ему и предоставлено разводиться по ним узоры». А такие слова и выводы полностью выпадали из контекста, определившего появление в первое десятилетие 2000-х гг. целой серии материалов по «имиджологии», теории имиджа и имиджу России. Более того — они взрывали его рамки.

Что же это был за контекст? Сама постановка проблемы улучшения имиджа России на Западе и ход её обсуждения, расстановка акцентов, присутствие обширных зон умолчания позволяют утверждать, что его характер определялся появлением чётко сформулированного запроса со стороны представителей части властных групп, запроса, которого раньше не было или он был осознан в гораздо меньшей мере. Следовательно, надо понять, что это был за запрос, почему он появился и почему именно к середине первого десятилетия 2000-х гг.?

По всей видимости, 2005 г. определил рубеж осознания представителями властных групп полного исчерпания того проекта, который последовательно осуществлялся в России с 1991 г. Или, точнее говоря, перешёл в стадию практической реализации с 1991 г., поскольку историки ещё, по сути, не начинали серьёзную работу по выявлению хронологических границ проекта превращения России в «нормальную» — то есть западную — страну. Ни политически, ни психологически властные группы не были готовы признать, что для России закрыт путь вхождения в «мировую» — западную — цивилизацию. Политически — поскольку ради вхождения в «мировую цивилизацию» был разрушен Советский Союз. В рамках данного текста нет необходимости сколько-нибудь развёрнуто говорить о том, что последовало за разрушением СССР. Достаточно обратиться к цифрам потерь населения в результате «реформ» — они вполне сопоставимы с цифрами потерь СССР в ходе Великой Отечественной войны. Столь же красноречивы и данные экономической статистики, показывающие глубину деградации инфраструктуры, степень разрушения промышленного потенциала страны и изменения структуры экономики в сторону её резкого упрощения, огромного нарастания сырьевой зависимости России по сравнению со временем даже позднего СССР. Все эти материалы свидетельствуют, что страна была ввергнута в регресс.

Психологически признать тупиковый характер движения в сторону интеграции с Западом также было невозможно, поскольку за два с половиной десятилетия после ликвидации СССР представители элитных групп потратили огромные средства и усилия на обустройство своего будущего в «нормальных», «цивилизованных» странах, приобретая за рубежом недвижимость, активы и вывозя в эти страны свои семьи.

Но если невозможно было сказать — самим себе в первую очередь, — что Россия никогда не станет частью Запада, то оставалось поискать какой-либо «нетравматический» вариант поведения в ситуации постоянного, более чем определённого и многократно выраженного отказа Запада видеть Россию «частью Европы». Так появился запрос на рекомендации по улучшению имиджа России.

Сама по себе проблематика имиджа, без сомнения, заслуживает самого пристального внимания и изучения со стороны политологов, историков, экономистов, психологов, специалистов по рекламе. Тезис о том, что забота правящих групп о формировании определённого образа страны в глазах союзников и недругов имеет столь же давнюю историю, как и сама государственность, банален, но от этого он не перестаёт быть верным. И, конечно, в современном мире страны, имеющие необходимые информационные и материальные ресурсы, тщательно культивируют свой образ, опираясь на целую систему мифов, с одной стороны, и на последовательно выстроенную внешнеполитическую стратегию — с другой.

Речь здесь, следовательно, идёт вовсе не о том, нужно ли прилагать усилия к формированию желаемого имиджа России, кто должен этим заниматься, и какой может быть политика имиджевого позиционирования нашей страны. Это вопросы тактики и ответы на них или вполне очевидны, или относятся к сфере прикладных исследований. Речь идёт совершенно о другом: о специфике ситуации, которая актуализировала проблему

«Имидж России:
ПОИСК ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»,
материалы научной конференции 19 марта 2013г.

имиджа России на определённом временном участке и определила ракурс её обсуждения. Иными словами, о ситуации, создавшейся для властных групп и для страны в целом после провала проекта «вхождения» России в западный мир. Для политических сил, сознательно пошедших на демонтаж СССР, этот проект был основным — другого политически и психологически приемлемого проекта у них нет. В этих условиях усиленный поиск средств улучшения имиджа страны стал тактическим ответом её властных групп на стратегический по характеру вызов — вызов бытию России в современном мире. Пустоту на месте стратегического проекта «Россия в XXI веке» попытались заполнить тактическим проектом «имидж России», вместо разговора общества и власти о будущем страны начались более или менее удачные попытки поговорить о том, как воспринимают Россию за рубежом и почему большинство материалов о России носит открыто негативный характер. Психологи назвали бы подобный приём вытеснением — болезненная проблема не только не обсуждается, но её существование вообще не признаётся, она вытеснена в глубины психики.

Есть и ещё один аспект анализа, на который следует обратить внимание, — он связан с общей ситуацией постмодерна. В период постмодерна проблема формирования имиджа страны приобретает некоторое отличие от постоянной заботы государства о сохранении и повышении своего внешнеполитического статуса, о «сохранении лица» в отношениях с другими государствами. Это отличие состоит в том, что постмодерн создаёт искушение поверить в возможность произвольного конструирования и продвижения имиджа, формируемого усилиями журналистов, сотрудников рекламных агентств, культурологов и других специалистов, перед которыми ставится задача «улучшения имиджа страны». У властных групп России возник соблазн «технологизации» имиджа. Появилась уверенность в том, что достаточно нанять опытное и влиятельное пиар-агентство, «проплатить» несколько публикаций в крупных СМИ, создать телеканал, рассчитанный на зарубежную аудиторию, «разъяснить свою позицию» зарубежной общественности — и желаемый виртуальный имидж будет сконструирован. Но такой соблазн владеет и хозяевами глобальных СМИ — соблазн подменить реальность виртуальным миром.

Насколько такая задача выполнима? Если отвечать на этот вопрос предельно кратко, то можно высказать вполне обоснованное утверждение о том, что практики манипулирования имеют некий естественный рубеж. Тотально манипулируемое информационное пространство невозможно, как невозможно тотально регулируемая экономика или любая другая сложная система. Здесь просматриваются прямые аналогии с закономерностями функционирования современной финансовой системы, созданной для реализации определённого — западного — проекта индустриального общества. Она могла быть — и была — успешной до тех пор, пока опиралась на реальные показатели доли западных стран в мировом производстве, на их научно-технические достижения и эффективные стратегии лидерства. Отрыв глобальных финансов от производственных показателей, от движения материальных ресурсов производства — глубокая пропасть между виртуальным миром финансовых знаков и реальным миром «физической экономики» — послужил причиной принципиальной неустойчивости мировой финансовой системы, обозначая её естественный предел. Такой же предел существует и у политики имиджевого позиционирования — он задан ограничениями метафизического характера.

Наши властные группы не желали и не желают видеть главное: вся мощная сеть информационных агентств, зарубежных представительств фондов и неправительственных организаций по всему миру, вся система каналов массовой культуры служат странам Запада, в том числе США прежде всего для решения ключевой задачи продвижения и защиты собственного проекта. А в ходе реализации данной цели, как производная от неё, формируется имидж страны. «Основная формула» создания имиджа может, следовательно, выглядеть так: проект+стратегия его осуществления дают в качестве одного из результатов (далеко не главного!) имидж страны. Или, как афористично написал недавно о теме «мягкой силы», напрямую связанной с проблематикой имиджа,

«Имидж России:
ПОИСК ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»,
материалы научной конференции 19 марта 2013г.

Л.В. Леонтьев, «...у нас попытки формировать «мягкую силу» являются во многом сублимацией недоступности силы жесткой. Поэтому хотелось бы сформулировать несколько принципиальных моментов.

Первое. «Мягкая сила» — реальная, эффективная — является проекцией жесткой силы. Никакой «мягкой силы» в отсутствие жесткой силы у того же субъекта быть не может. Может быть только мягкое бессилие...

И... — второе. «Мягкая сила со стороны субъекта подразумевает слабость объекта, диффузность, проницаемость его физической, идеологической и морально-нравственной оболочки... Конечная цель «мягкой силы» — подчинить объект влияния»³.

Вывод очевиден: России, чтобы остаться субъектом истории, и, помимо прочего, стратегически решить проблему имиджа, необходим собственный проект будущего. Однако времени на разработку такого проекта осталось немного — мир вступил в зону повышенной нестабильности, что открыто признаётся сейчас в нашей стране на самом высоком политическом уровне. По мере развёртывания глобального финансово-экономического кризиса всё более проясняется масштаб вызовов, стоящих перед Россией, перед её властными группами, всё ещё лишённым стратегического видения будущего.

Современный мир стоит перед проблемами поистине судьбоносного характера. Сейчас решается, каким станет будущее либеральной демократии и всего проекта модерна, кто в мире завтрашнего дня выступит носителем идеи справедливости, которая отнюдь не умерла с крахом левого варианта модерна, какие политические силы способны в перспективе взять на себя реализацию нового глобального проекта, какой проект будущего реализуют западные элиты и с какой мерой рефлексии? Без ответа на эти вопросы не может быть дан сколько-нибудь достоверный прогноз развития международно-политических процессов и внутривнутриполитической ситуации в различных регионах мира.

С начала 90-х гг. XX в. большинство из перечисленных проблем обсуждается в русле теории глобализации. При всём многообразии подходов к явлению глобализации, наиболее адекватными представляются выводы тех отечественных исследователей, которые утверждают, что глобализация служит лишь проявлением действительно всеобъемлющего процесса, который на ближайшие десятилетия определит мировую политику — процесса глубокого кризиса индустриальной фазы и предстоящего завершения эпохи промышленного развития. Капитал исчерпал возможности экспансии — вся планета им уже освоена, на ней не осталось свободного экономического пространства. А при отсутствии свободного пространства индустриальная экономика, в силу принципиально неравновесной природы индустриального производства, вступает в полосу дестабилизации⁴.

Только понимание связи глобализации с кризисом индустриальной фазы, падением потенциала индустриального развития, позволяет увидеть и оценить реальный масштаб исторических вызовов современности.

Что касается перспектив России, то о них очень жёстко, чётко и аргументировано сказано в докладе Г. Малинецкого (заместителя директора института прикладной математики РАН) «Инновация — последняя надежда России». Согласно его выводам, «если всё останется так, как есть, то Российская Федерация к 2030 году развалится без всякого нападения внешнего врага, без ввода чужих войск на нашу территорию». При этом «в обстановке... отказа от целеполагания работа в элите заменяется на бурную имитацию

³ Леонтьев М. Мягкая сила — реальная, эффективная — является проекцией жесткой силы // www.odnako.org/magazine/material/show_24069.

⁴ Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М., 2006. С. 491–492.

«Имидж России:
ПОИСК ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»,
материалы научной конференции 19 марта 2013г.

деятельности, реальные достижения заменяются на пропагандистские фанфары и телевизионные картинки»⁵.

Собственно, это в полной мере и проявилось в обсуждении темы имиджа России. Оно было начато ещё в сравнительно спокойной социально-экономической ситуации в мире, но сейчас, при продолжающемся глобальном финансово-экономическом кризисе, должно занять подобающее себе место и отойти далеко в тень принципиально иных по тематике и глубине дискуссий.

⁵ Георгий Малинецкий. Доклад о перспективах РФ: инновации — последняя надежда России // www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1830&Itemid=39